

УДК.821.161.1-3.09 Ким:81.161.1'42

О.Д. КРАСНОБАЕВА,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
Восточноевропейского национального университета
имени Леси Украинки (г. Луцк)*

ТРАНСМЕТАРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РОМАНА-ПРИТЧИ А. КИМА «ОТЕЦ-ЛЕС»

В статье исследована жанрово-стилевая парадигма романа-притчи А. Кима «Отец-Лес». Роман проанализирован в дискурсе трансметареализма, что позволило представить творчество писателя как новаторскую художественную систему, соединяющую мифопоэтическое видение мира и реалистическую точность современной прозы. Подчеркивается, что обращение автора к изначальным художественным формам – мифу и притче – определяет модификацию романного жанра в «Отец-Лесе», при этом происходит соединение реально-исторического и мифологического планов повествования.

Ключевые слова: трансметареализм, роман-притча, дискурс, парадигма, модификация, мифопоэтика, постмодернизм, метафора.

Современные исследователи Н. Иванова [3], В. Самохвалова [6], Л. Аннинский [1], А. Смирнова [7], Э. Бальбуров [2] и др. отмечают иррациональную доминанту окружающего нас мира, отраженную в ряде прозаических произведений конца XX в. «Культурная атмосфера XX века в значительной мере характеризуется тем, что расшатываются традиционные для последних трех веков рационалистические структуры мышления, возрастает иррациональная составляющая образа мира» [6, с. 121]. Наиболее ярко она представлена в современной русской прозе, художественно исследующей проявление человеком себя в микро- и макрокосме вселенского бытия как себя в них и их же в себе. В произведениях делаются интересные попытки дать новый, как бы «прозревающий» взгляд на мир, новую холистическую модель самого мира, представленную в виде современного, характерного для демифологизированного массового сознания и оперирующего его же мифологемами целостного мифа.

В современном эпосе наблюдается интроверсированная депрессивность героев и после прозрений, в которых им открываются тайны бытия. В них – пафос безысходности. И это не случайно. В представляемой в них картине мира акцентирован не только мотив хаоса и осознания в нем себя, своей роли героем, но и мотив торжества темных иррациональных сил, сил не только природных, но и социальных, и ассоциируются они с властью и государством, которые тоже больше героя и действуют через него. Новый герой, по сути, одновременно и их жертва, и их орудие. Отсюда – переплетение в этих произведениях и замыкание друг на друге мотивов жертвенности и вины и как сквозная и трагическая – тема обреченности на пребывание во власти этих иррациональных сил, тема обреченности внешней покорности им и одновременно как к чему-то, единственно дающему внутренний выход из-под этой власти хоть в никуда, тема самого *движения к ничто* как к успокоению, угасанию и исходу.

Довлеющее над всеми чувство вины за вольные или невольные злодеяния (или попустительство им) в годы тоталитаризма заставляли думать о лежащем на большинстве

позоре, который может сказаться в судьбах последующих поколений. В воздухе витали разговоры о взаимосвязи всего со всем, о генной памяти, о предопределенности человеческой судьбы жизнью предков. На всех лежал позор. А, как пишет Анатолий Ким, «нежелание позора, мук неискупаемым естественным образом переходит в нежелание души, в нежелание бессмысленно и жестоко поруганного его, в нежелание сознания и самого понятия справедливости, в отрицание всякой истины, и другое название всему этому – пустота и тьма» [4, с. 35]. Многим, изуверившимся во всем и жаждущим успокоения людям, становились близки и мысли М. Хайдеггера [8] о движении к *ничто*, и святые истины проповеди Будды, с которыми активно знакомили наводнившие в те годы Россию миссионеры. И именно к этому успокоению – угасанию как к *ничто* в какой-то момент своей жизни, прозрев, что движение к *ничто* и есть суть всего и свобода, и устремляется почти каждый из героев романа А. Кима «Отец-Лес» (1989).

На сегодняшний день очевидна серьезная необходимость исследования новой жанрово-стилевой парадигмы кимовского романа-притчи, что позволит приблизиться к объективному раскрытию содержания кимовской прозы и разрешит многочисленные противоречия в толковании творчества писателя. Это и обуславливает актуальность настоящей студии.

Цель нашей работы – раскрыть механизм жанрового синтеза в романе «Отец-Лес», целостно исследовать произведение в дискурсе трансметареализма.

Смыслообразующим центром романа, в котором решение проблемы свободы и одиночества, бренности бытия и движения всех и вся к *ничто* дается как бы на стыке осей разных аксиологических координат – язычества, христианства, буддизма и учений о ноосфере, выступает символический образ Отца-Леса. Он вмещает в себя все, когда-либо существовавшее, существующее и будущее существовать в мире и на Земле. В нем все это – одновременно и вечно. И сам он – *все и ничто*. Ведь, как пишет А. Ким, каждый из людей – «всего лишь странствующий Никто, обязанный вернуться в родное Ничто (...)» [4, с. 132]. Повествование, таким образом, отдано субъекту планетарного масштаба – великому полумифическому лесу, творцу жизни и судеб. Субъектная полицентричность кимовской прозы, отражает авторское ощущение мира как становящегося творческого потока, в котором источник жизни находится везде и во всем.

Отец-Лес – это сама жизнь, как бы включающая в себя и нежизнь. По А. Киму, отталкиваясь от идей Константина Циолковского, «масса» жизни во Вселенной в десять в тридцать восьмой степени раз меньше «массы» не-жизни, пустоты, неких «засасывающих» жизнь черных дыр. Не-жизнь, черные дыры есть и в душах людей. Из них произрастает зло, и для отрицания себя в них – зерно самоубийства человека и человечества, тоска по «успокоению» в вечном состоянии *ничто*. Представляя собой саму энергетику жизни, Отец-Лес не зависит от смертей-перевоплощений в нечто иное своих конкретных модификаций – людей, деревьев и трав, пока они живут по его законам – законам естества. Однако эти законы нарушены. «Истребление Леса, поругание Деметры, попытки самоубийства через войны – человечество сошло с ума» [4, с. 145], – читаем в романе. И отсюда, от этого «сумасшествия» человечества – части того же Отца-Леса – грозящая гибель всему, неотвратимое движение к окончательному *ничто* того, что есть еще как бы перманентно балансирующим ничем и всем, остановка его движения-перетекания и уход в небытие. А это уже конец всему.

Суть Отца-Леса постигается героями этого произведения, внутренне движущимися к *никто* и *ничто* и как бы забывшими изначальную нечеловеческую сущность бытия – баланс всего и ничего, в своеобразных прозрениях. В них же им открывается и целостная картина мироздания, и переживание той степени – «натуральной свободы, в которой пребывали животные и растительные существа – все материальные предметы Вселенной, от малого муравья до гигантской звезды небес, и которую мешало постичь суетливое человеческое общежитие с его жестокими обязательствами, предрассудками и привычками, как благородными, так и подлыми» [4, с. 6], – свободы как естественного движения к успокоению в *ничто*.

Все вышеизложенное обуславливает углубленный интерес современных исследователей, в том числе и автора статьи, к мифопоэтической проблематике, жанровой парадиг-

ме романа-притчи А. Кима «Отец-Лес», в частности к его трансметареалистическому дискурсу.

Жанрово-стилевое новаторство произведения заключается в том, что в нем мастерски сочетается жестокий реализм, фантастика, мифопоэтические структуры и интеллектуальное начало. Весь текст разворачивается как единая многоуровневая метафора и воспроизводит помимо реалистически достоверных картин жизни России с конца XIX в. по 80-е годы века XX то экзистенциальное отчаяние, которое владело многими на рубеже 1980–90-х. В центре внимания прозаика, прежде всего, проблематика онтологическая. Мы знакомимся с выстраиваемым на глазах у читателя новым мифом, в котором *иррациональная составляющая целостного образа мира является одной из составных*. Причем акцент в ней сделан на природно-космическом и трансперсональном.

По сути, мы снова имеем дело с новой холистической моделью мира, которая заявлена в тексте в целой серии видений-прозрений героев и как бы прозрения видящего все это самого повествователя. В ней в качестве иррациональной составляющей образа мира действуют некие безличные, провоцирующие смертельное столкновение Космосов Востока и Запада силы зла (за которыми, правда, просматриваются и политические устремления вполне конкретных государств). Эта модель также дана как своеобразный, выстраиваемый буквально на глазах у читателя новый миф, оперирующий мифологическими образами и мифологемами как традиционного, так и нового, характерного для современного ремифологизированного массового сознания порядка (у А. Кима это энергетическая субстанция Отец-Лес, разлитое во всем и внутренне мотивирующее стремление к *ничто* трансперсональное сознание). И в этой модели герой – уже становящееся неспособным сопротивляться тем силам, что больше него, *ничто*. Ведь они действуют через него. Поэтому он и обречен даже после своего прозрения на движение к окончательному *ничто*, которое в данном случае уже даже не есть ни успокоением, ни естественным угасанием как таковым.

Известно, что миф как таковой практически неисчерпаем. Как отмечала В.И. Самохвалова, «с развитием научного мышления миф как бы потеснился, однако в его ведении по-прежнему оставались многие из так называемых предельных вопросов, которыми наука не занималась в силу их неисправимой метафизичности. Связь мира на уровне этих предельных понятий, высших ценностей, метафизических реальностей могла быть обеспечена только с помощью новой мифологии» [6, с. 125], которую представляет читателю Анатолий Ким.

Мифотворчество – это выражение древней мудрости человечества и самая первая его философия. Миф – это лишь «переназванная», т. е. представленная через систему символов действительность. Сами эти символы, как утверждает Д. Кэмпбелл, «не являются искусственно создаваемыми; их невозможно направлять, изобрести или временно подавить, они представляют собой спонтанные проявления души...» [5, с. 11].

В конце XX в. по разным причинам, но вполне очевидно миф оказывается средством нейтрализации тех сознательных установок, которые могут быть оценены в спектре от односторонних до нежелательных. Возвращение мифа определяется не только необходимостью противодействия ставшему узким позитивистскому истолкованию мира, но и «новой потребностью старым способом образно-смыслового сгущения в символах, а не рационально-аналитически, обобщить новый социальный опыт, включив его в коллективную память общества» [6, с. 129]. Несомненно, XX в. отчетливо становится временем нового мифотворчества. И хотя механизмы и «методология» мифа остались прежними, но цели, устремления и мотивы мифотворцев претерпели существенные изменения.

Мифотворчество XX в. интересно тем, что создаются мифы нового типа, с модифицированными задачами и трансформированными целями. Реальные познавательные возможности, неразвитость рационального мышления, отсутствие соответствующего развитого понятийного аппарата не могли создать единой и непротиворечивой картины мира, которая действительно могла бы включить в себя весь окружающий мир. «Неизвестные звенья соединения элементов мира, необъяснимые связи и последовательности его событий человек мог истолковать лишь с помощью довоображения, введения вымышленных связей и объяснений» [6, с. 131].

Антропоморфическая поэтика А. Кима органична его космическому мироощущению, космической заданности его прозы, требующей особой меры условности. Его персональная мифология соединила сакральность с научностью, плотную реалистическую пластику с постнаучной метафизикой. Мифологизм обнаруживает себя не только в специфической фантастике, но и в других особенностях образной системы. Мифологична сама авторская установка на мыслеобраз, видеопонятие, визионерство смысла. Прозу Кима, как и миф, можно читать не только по горизонтали, но и по вертикали, потому что ее события – это инварианты определенного философского содержания. Они выстраиваются не в линию, а в парадигму. Отсюда и отход от линейности повествования, и кружение его по концентрическим орбитам.

Космос А. Кима не дан, а задан. Это цель и идеал, которые достигаются творчеством, т. е. созиданием жизни, красоты, гармонии. Творчество – источник космоса. Одно невозможно без другого. Наконец, творчество – это работа художника, создающего красоту как высшее проявление космического порядка, гарант его жизнеспособности. Творчество для космиста не исчерпывается человеческой сферой. Оно вездесуще. В антропокосмической этике Кима силам космоса, света и гармонии – творчеству, любви, добру, милосердию, человечности – противостоит вселенское зло пустоты и хаоса и поддерживающие их вражда, мещанство и другие человеческие пороки. Два из них названы не наугад. Вражда, по убеждению А. Кима, самый непобедимый враг человека: «Борьба, борьба, борьба! Во все времена кто-нибудь с кем-нибудь боролся – орды, империи, цивилизации, расы, идеологии... Во всех кровавых исходах если и побеждает кто-нибудь – человечество терпит поражение» [4, с. 186].

Силы, как считает Ким, не равны. Герой романа «Отец-Лес» математик Глеб Турав подчас считал, что «энергия зла на столько же превышает энергию добра, на сколько пространство вселенской пустоты превосходит объем всего вещества вселенной. И так как добро не что иное, как идея, рожденная материей для своего продолжения во времени, то и зло, соответственно, не что иное, как идея, исходящая из космической пустоты (переключка с А. Платоновым – О.К.) для подавления дерзостного начала жизни. Но это значит, что возможностей большего, долженствующего проглотить меньшее, примерно в 1032 раза больше, чем возможностей этого меньшего отстоять себя после случайного появления на свет... Что я могу противопоставить силе подобного превосходства?...» [4, с. 203].

Наталья Иванова является одним из немногих современных литературоведов, исследующих жанровую парадигматику романа-притчи А. Кима «Отец-Лес». Анализируя состояние современной прозы и основные тенденции ее развития, она в особую группу выделила писателей, в чьем в целом ориентированном на реалистическую стратегию творчестве наработанное постмодернизмом и другими направлениями дано, как выражаются философы, в «снятом» виде. К ним она отнесла Олега Ермакова, Анатолия Кима, Дмитрия Бакина, Алексея Слаповского, Андрея Дмитриева, Владимира Маканина и некоторых других. Это, как отмечает Н. Иванова, «писатели, «ушибленные» при своем рождении экзистенциальной, онтологической проблематикой, не «ужаленные» гуманизмом литературы русской, а полагающие себя аж на бессознательном уровне ее законными наследниками и продолжателями», писатели, которые «в период затянувшегося торжества постмодернизма» усвоили и его стиливые уроки» [3, с. 199]. То новое, что они представляют в литературе, литературовед определила как **трансметареализм**. По мнению Н. Ивановой, именно для трансметареалистов характерно «экзистенциальное отчаяние, напряженность чувств, интенсивность страданий», а также «обязательное и необходимое слияние по крайней мере трех качественных характеристик, включающих: развертывание текста как единой многоуровневой метафоры; интеллектуализацию эмоциональной рефлексии; проблематизацию «проклятых вопросов» русской классики (например, вариации ответов на «достоевский» вопрос о спасении мира красотой)» [3, с. 201].

Все это находим в романе-притче А. Кима. Таким образом, исследовательница, анализируя основные тенденции развития современной прозы и кимовских произведений, определила жанровую парадигму творчества Кима как **трансметареалистическую**, с чем можно согласиться. Однако, если более детально, на текстологическом уровне, анали-

зировать мотивные критерии трансметареализма в кимовском романе «Отец-Лес», то хотелось бы дополнить следующие моменты:

– постижение иррациональных составляющих общей картины мира как таковой и представление ее холистической модели в виде нового *мифа*;

– метафизическое осмысление бытия в прозрениях и видениях, являющихся в состояниях переживаний героев на пределе, апелляции к трансперсональному сознанию и т. п.;

– невозможность выхода героев после прозрений-постижений из состояний интроверсивной депрессивности и замыкание на них с тенденцией хайдеггеровского движения к ничто как к успокоению и угасанию, трагизм осмысления этого движения-угасания всего и вся;

– обращение к изначальным художественным формам – мифу и притче – определяет модификацию романной формы в «Отце-Лесе», при этом происходит соединение реально-исторического и мифологического планов повествования; притчевое начало выражено в двуплановости, обязательности этической оппозиции, которая раскрывается в параллелях, проводимых автором между «Лесом Зеленым» и «Лесом Человеческим», а также в назидании, которое содержит финал романа и которое связано с судьбой Глеба Тураева и мотивом Преображения; мифологическое проявляет себя в способах создания образов главных героев, во введении в структуру повествования мифологических персонажей и отдельных мифологем, а также в глубоко символических образах Отца-Леса, Деметры, Летящего змея и Лирообразной сосны, играющих ключевую роль в раскрытии авторского мировидения.

Мифопоэтическая образность и мифологические мотивы составляют основу художественного мышления и новаторского творческого метода А. Кима. «Причем мотивированнее говорить об опоре писателя на опыт мифа, мифологических интуициях, использовании мифа как универсальной культурной формулы» [7, с. 57]. Современному прозаику важен именно «кодовый» смысл того или иного мифологического образа, мотива, приема, которые «вплетаются автором» в ткань повествования то в качестве отдельных вкраплений, то в виде обобщающего символа или одного из стержневых образов. Из них и складывается модель мира, в которую вписан кимовский герой. «Проза Кима, – писал Л. Аннинский, – это рисунок простым карандашом, до жала отточенным. Это скрупулезнейший, японской четкости рисунок, передающий мельчайшие подробности материи, поверхности, плоти» [1, с. 226].

Таким образом, исследование романа-притчи А. Кима «Отец-Лес» в аспекте жанрово-стилевой парадигмы позволяет представить творчество писателя как целостную систему, в которой все взаимосвязано. Кимовская фантастика обретает онтологические масштабы, свидетельствуя о том, что в творчестве художника складывается новаторская трансметареалистическая художественная система, соединяющая мифопоэтическое видение мира и реалистическую точность современной прозы.

Список использованной литературы

1. Аннинский Л. Превращения и превратности / Л. Аннинский // Локти и крылья. Литература 80-х: надежды, реальность, парадоксы. – М.: Советские писатели, 1989. – С. 217–228.
2. Бальбуров Э. Русский космизм: философия, наука, поэзия, миф / Э. Бальбуров // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. – № 4. – С. 24–48.
3. Иванова И. Преодолевшие постмодернизм / И. Иванова // Знамя. – 1998. – № 4. – С. 193–204.
4. Ким А. Отец-Лес: Роман-притча / А. Ким. – М.: Советский писатель, 1989. – 242 с.
5. Кэмпбелл Д. Герой с тысячей лицами / Д. Кэмпбелл. – К.: «София», 1997. – 324 с.
6. Самохвалова В. Мифы для массового человека / В. Самохвалова // Полигнозис. – 2001. – № 1. – С. 120–139.
7. Смирнова А. Мифопоэтика А. Кима: Роман «Отец-Лес» / А. Смирнова, А. Попова // Вестник ВолГУ. – Серия 8. – Вып. 7. – 2008. – С. 51–57.
8. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / М. Хайдеггер // Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 448 с.

У статті досліджується жанрово-стильова парадигма роману-притчі А. Кіма «Батько-Ліс». Роман аналізується у дискурсі трансметареалізму, що дає можливість репрезентувати творчість письменника як новаторську художню систему, яка поєднує міфопоетичне бачення світу й реалістичну точність сучасної прози. Підкреслюється, що звернення автора до первинних художніх форм – міфу та притчі – визначає модифікацію романного жанру в творі «Батько-Ліс», при цьому відбувається поєднання реально-історичного та міфологічного планів розповіді.

Ключові слова: трансметареалізм, роман-притча, дискурс, парадигма, модифікація, міфопоетика, постмодернізм, метафора.

The genre and style paradigm of Kim's work «Otets Les» is investigated. The novel is analysed in a discourse of transmetarealism that allowed to present creativity of the writer as innovative artistic system which connects mythopoetic vision of the world and realistic accuracy of modern prose. It is emphasized that the appeal of the author to initial artistic forms – to the myth and a parable – defines modification of a novelistic genre in «Otets Les», thus there is a connection of real-historical and mythological plans of a narration.

Key words: a transmetarealism, a novel, a discourse, a paradigm, a modification, a mythopoetics, a postmodernism, the metaphor.

Одержано 15.02.2013.